

Живет в Москве (Россия).

* * *

Чуть южнее севера – Петербург,
а восточней запада - Ленинград.
Это стрелка компаса, сделав круг,
повела часами бродить – назад,

где туманней памяти – острова.
Там дома с парадными до сих пор,
и белее снега на Покрова –
свет, летящий сверху в колодец-двор.

В нём и южный ветер тревожно-стыл,

и считать ушедших легко - до ста...
А когда собьёшься – сведут мосты,
и дойдёшь до Аничкова моста...

Поплюёшь в Фонтанку – такая муть...
На коней посмотришь – и всё же, мощь.
И пойдёшь обратно – куда-нибудь,
где чернее вечера будет ночь.

* * *

Всё суета, мой дорогой, всё суета...
Твой город - странный, не улыбочивый, и всё ж,
он открывается, когда ты занята -
несёшь свой крест, и что попало, - всё несёшь.

Он принимает. Забирает и даёт -
всё как обычно, дорогой. Но иногда,
кружа Бульварным, вдруг услышишь, как поёт
о чём-то дальнем свиристель на проводах.

И чемодан-верблюд услужливо горбат -
привык летать. Такой вот выдался Пегас...
Везде Арбат, мой дорогой. Везде Арбат -
его штампуют замечательно, на «раз».

И что ни город, - всё один торговый ряд
и небоскрёбы - от велика до мала...
А на Полянке удивительно звонят
колокола, мой дорогой... Колокола.

* * *

Левее от фонарного столба
и справа от бочонка с рыжим квасом
свернуть туда, где не слышна толпа
и сытый дух московский, дух колбасный.
Вперёд, пока есть силы... Там, пыля,
девчушка жмёт размеренно педали...
А дальше - лес и поле... Нет, поля –
куда ни посмотреть: поля и дали.
И бабушкин, на пять окошек, дом.
А может быть, - всех бабушек на свете...
Там дед стучит усердно молотком –
как все деда, за каждый гвоздь в ответе.
И всё взаправду, и наоборот,

и есть чулан, где прячутся потери...
Там домовый за печкою живёт.
Он, может быть, сейчас в меня не верит.

О себе

Родилась в Минске, живу в Москве.

